

Литература

1. *Перевозная, Е. В.* Подготовка студентов-филологов к нравственному воспитанию учащихся / Е. В. Перевозная // Подготовка студентов к воспитательной работе в школе. – Минск, 1971. – С. 265–266.
2. *Перевозная, Е. В.* Стимулирование методического творчества студентов-филологов / Е. В. Перевозная // Совершенствование методической подготовки учителя в педагогическом вузе : материалы Республ. науч. конф., Гродно, 27–28 апр. 1976 г. – Гродно, 1976. – С. 107–109.
3. *Перевозная, Е. В.* Подготовка студентов-филологов к нравственному воспитанию школьников / Е. В. Перевозная // Идеино-нравственное воспитание студенческой молодежи : метод. рекомендации. – Минск, 1981. – С. 85–89.
4. *Перевозная, Е. В.* Совершенствование подготовки филологов к реализации воспитательной функции художественной литературы / Е. В. Перевозная // Совершенствование филологического образования студентов в свете реформы общеобразовательной и профессиональной школы : материалы Республ. науч.-методич. конф., Минск, 27–28 марта 1987 г. – Минск, 1989. – С. 47–48.
5. *Перевозная, Е. В.* Условия активного восприятия студентами лекционного материала / Е. В. Перевозная // Русский язык в нац. школе. – 1990. – № 4. – С. 41–45.

Е. Н. Путрич (Беларусь)

АССОЦИАТИВНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ РОМАНА А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА» НА СТИМУЛ «УЯЗВИМОСТЬ»

Приоритетным направлением коммуникативной стилистики является изучение ассоциативного поля текста, под которым понимается «система порожденных текстом в сознании адресата ассоциаций» [1, с. 10]. Разработкой теории текстовых ассоциаций активно занимаются Н. С. Болотнова [2–4], А. А. Васильева [5], С. М. Карпенко [7], И. А. Пушкарева [8].

В зависимости от способа стимулирования ассоциаций в тексте обнаруживаются три типа ассоциатов: эксплицитные текстовые, имплицитные текстовые и внетекстовые. Если первых два типа ассоциаций связаны с текстовыми маркерами, это полностью либо частично вербально материализованные ассоциаты, то внетекстовые ассоциаты в полной мере связаны с понятием *ассоциативное поле текста*, в понимание которого входят «реакции на весь текст в целом и реакции на отдельные элементы текста, актуализированные автором» [1, с. 11–12]. В этой связи художественный

текст выступает стимулом для установления взаимовлияния текстовых и внетекстовых ассоциаций.

Целью данной статьи является изучение ассоциативного слоя концепта «уязвимость», отображенного в тексте романа А. Платонова «Счастливая Москва». Понятие концепта «уязвимость» многопланово и находится на границе внутренней человеческой борьбы и внешнего исторического контекста. Это и *гибель во тьме прошлого, и грустный крик мертвого в глубине тела, стихийная печаль, смертельное пространство высоты, болезненный бред, падение, безжизненность томящегося человеческого тела, бесчувствие, самоистощение в пустяках, туманная смерть, последняя категория, почти ничто, внутреннее оскуднение, пустота высокого грозного мира*, а также *плакать от счастья, кричать от мучения, вздрогнуть от удивления, истомиться жить, согреть свою внезапную боль* и др. Исходя из логико-семантических и грамматических отношений складываются различные типы ассоциаций, которые, с одной стороны, составляют концептуальную карту слов уязвимости, с другой – устанавливают новые индивидуально-авторские смыслы.

В результате первичной коммуникативной деятельности автора романа «Счастливая Москва» с читателем возникает направление ассоциирования «счастье», которое стимулировано названием романа, находящимся в сильной позиции. Исследователи творчества А. Платонова утверждают, что счастье, «являющееся центральным лозунгом эпохи, отсутствует в романе» [6, с. 107], оно – как «трагическая ирония автора» [6, с. 108]. Обратим внимание на контексты: *Жизни не вышло. Я боюсь, что она никогда не выйдет и я теперь спешу..., – Давайте выпьем <...> за воспоминанье всех погибших наших измученных отцов и за технику – истинную душу человека!* Герои романа одержимы жадой обретения истинного счастья, каждый из них ищет свой путь, но никто его не обретает.

Наряду с этой реакцией возникает направление ассоциирования «поиски жизненного спасения», представленные такими ассоциациями, как: *бессознательная дорога в будущее, испорченное тело и молодость, надежда, стать другим человеком, стать безучастным к всеобщей жизни, согласие на высшую жертву со своей стороны, страх ответственности за всю безумную судьбу вещества и другие.*

Для репрезентации ценностного слоя концепта в тексте произведения используются культурологические ассоциации, раскрывающие исторический контекст:

- Октябрьская революция (*началась октябрьская революция, темный человек с горящим факелом, бежавший в ночь революции, далекое зарево трепетало над центром города*);
- технологический прогресс (*напряжение далеких машин, самый бедный свет, прижатие к земле неподвижной эксплуатацией, катастрофа*);
- «бытовые реалии / неблагоприятное жилище» представлено текстовыми ассоциациями: *дом с неработоспособным правлением и с дефицитным*

балансом расходов, бедное суровое убранство, равнодушная идеологичность убранства, сделанного по дешевому госбюджету, бродячее детство, бедность в жилищах, жалкое положение, посмертное благоухание [цветов], а также внетекстовыми морг, душевная ущербность, дискомфорт.

Еще одно направление ассоциирования «природа» представлено следующими реакциями: *поздняя осень, дождь, туман, холод, смерть листьев, пустота, одиночество, голод, сирота, ночь, сон, смерть.*

В романе А. Платонова одним из главных направлений ассоциирования наравне со счастьем выступает «любовь», с ней связаны реакции: *мучительная сила любви, тоска отчаяния, страдание, тёмная грудная грусть, тоскующее, опустевшее сердце, остронастроенный такт взаимных отношений, мученье любви, плачущее, влекущее чувство, блуждающее сердце, грусть в объятиях; ложился вниз лицом и тосковал от грусти, хотя причиной его жизни была одна всеобщая радость; сердце его билось с ужасом, потому что оно почувствовало давно заключенную в нем любовь; заплакал; ему жалко стало, что сердце Москвы может летать в воздушной природе, но любить его не может; Он уснул и спал без памяти до вечера, забыв про службу; заклокотала скрытая мучительная сила; занялось во всем его теле и сердце, так что он открыл рот и усиленно дышал, как будто ему стало неудобно в груди; все ему приносило в сердце содрогание и он пугался развертывающейся в нем тревожной и опасной жизни.*

Помимо описанных выше ассоциаций, в тексте романа встречается индивидуально-авторская вербализация концепта «уязвимость», представленная следующими реакциями:

- *музыка (жалкая музыка; плакала человеческим, истощенным голосом на краю собственного безмолвия; громила со скоростью вопля какого-то своего холодного, казенного врага, занявшего своим мертвым туловищем всю бесконечность; скрежещущий вопль наступления).*

Одним из ярких и самодостаточных образов романа выступает музыка. Она тревожит внутренний мир человека (*У нее сжималось сердце от глубокой свободы и воодушевленной мысли этой музыки и от эгоистической грусти...*), заставляет остановиться и обратиться к своему прошлому (*... услышал вдруг жалкую музыку, тронувшую его сердце не столько мелодией, сколько неясным воспоминанием чего-то прожитого, оставленного в забвении*).

- *мечтательность.* В контексте произведения существительное мечтательность воспринимается как отрицательное качество человека: *В комнате было бедное суровое убранство, но не от нищеты, а от мечтательности: железная кровать эпидемического образца, с засаленным, насквозь прочеловеченным одеялом.* При этом связь к концепту «уязвимость» можно проложить по цепочке от частного к общему: мечтательность – недостаток – уязвимость;

- грязь. В этом же абзаце встречаем новую ассоциацию уязвимость – грязь, которая обнаруживается в конструкции *засаленное, насквозь прочеловеченное одеяло*. А также в других контекстах произведения: *сравнивал его состояние с тоскою, скукой и телесной нечистоплотностью, как если бы он не чистил, зубы, не мылся...* В данном предложении уязвимость воспринимается как специально вызываемое качество для создания состояния стыда;
- воображение. Стилистически нейтральное существительное *воображение* в контексте романа воспринимается как состояние уязвимости, от которого страдает сон (*долго не мог заснуть от воображения труда на советской земле; сейчас тоже не спят, а ворочаются в беспокойстве*), ясность ума (*их ум начала мучить одна забытая днем деталь, грозящая ночной аварией; Ночью ему снились его разрушенные мысли*) и спокойствие (*... ходил в волнении, желая предпринять что-либо немедленно*).

Ассоциативный слой концепта «уязвимость» в романе А. Платонова многообразен: он включает значение «внутренней борьбы», «душевной ущербности», «романтического безумства», «преобладания общественного над личным», «жертвенности», «чувствительности», «стыда» и «страха».

Литература

1. *Болотнова, Н. С.* Ассоциативное поле слова и текста / Н. С. Болотнова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте / Н. С. Болотнова. – Томск, 2000. – С. 20–25.
2. *Болотнова, Н. С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 1994. – 212 с.
3. *Болотнова, Н. С.* О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 74–79.
4. *Болотнова, Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: ассоциативные нормы как фактор текстообразования / Н. С. Болотнова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 74–79.
5. *Васильева, А. А.* Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Васильева ; Томский гос. пед. ун-т. – Томск, 2001. – 30 с.
6. *Залыгин, С.* Участникам конференции по роману Андрея Платонова «Счастливая Москва» / С. Залыгин // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – Вып. 3. – М., 1994. – С. 107–108.
7. *Карпенко, С. М.* Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н. С. Гумилева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. М. Карпенко ; Томский гос. пед. ун-т. – Томск, 2000. – 26 с.
8. *Пушкарева, И. А.* Смысловые лексические парадигмы в лирике М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Пушкарева ; Томский гос. пед. ун-т. – Томск, 1999. – 22 с.